

Толстой Лев Николаевич

Анна Каренина

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34   **Лев Николаевич Т.**
Анна Каренина: Том 1 / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-519-77214-3

ISBN 978-5-519-77214-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

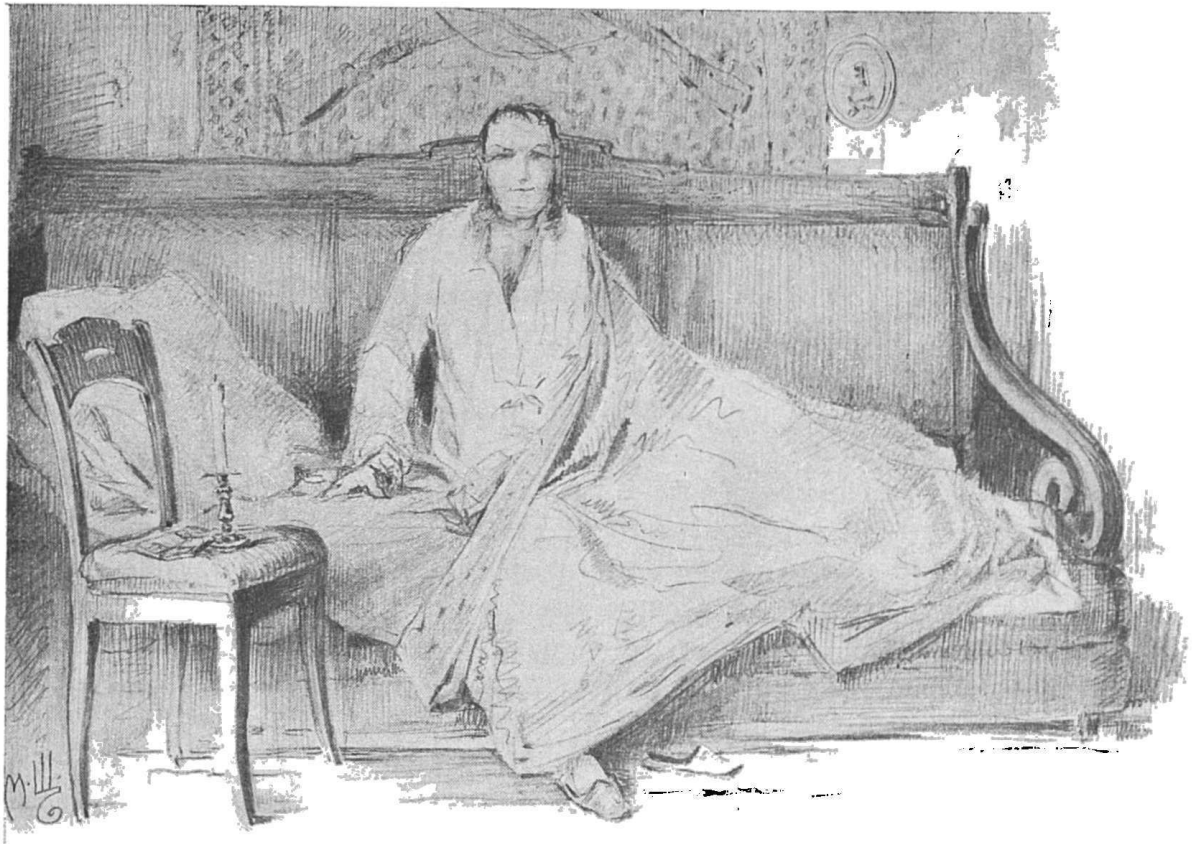
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

сѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ. Жена узнала, что мужъ былъ въ связи съ бывшею въ ихъ домѣ французскою-гувернанткой, и объявила мужу, что не можетъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ. Положеніе это продолжалось уже третій день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всѣми членами семьи, и домочадцами. Всѣ члены семьи и домочадцы чувствовали, что нѣтъ смысла въ ихъ сожителствѣ и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ они, члены семьи и домочадцы Облонскихъ. Жена не выходила изъ своихъ комнатъ; мужа третій день не было дома; дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянные; англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, прося пріискать ей новое мѣсто; поваръ ушелъ еще вчера со двора, во время обѣда; черная кухарка и кучеръ просили расчета.

На третій день послѣ ссоры князь Степанъ Аркадьевичъ Облонскій—Стива, какъ его звали въ свѣтѣ—въ обычный часъ, то-есть въ 8 часовъ утра, проснулся не въ спальнѣ жены, а въ своемъ кабинетѣ, на сафьянномъ диванѣ. Онъ повернулъ свое полное, выхоленное тѣло на пружинахъ дивана, какъ бы желая опять заснуть надолго, съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку и прижался къ ней щекой; но вдругъ вскочилъ, сѣлъ на диванъ и открылъ глаза.

«Да, да, какъ это было?—думалъ онъ, вспоминая сонъ.—Да, какъ это было? Да! Алабинъ давалъ обѣдъ въ Дармштадтѣ; нѣтъ, не въ Дармштадтѣ, а что-то американское. Да, но тамъ Дармштадтъ былъ въ Америкѣ. Да, Алабинъ давалъ обѣдъ на стеклянныхъ столахъ, да,—и столы пѣли: «Il mio tesoro», и не «Il mio tesoro», а что-то лучше, и какіе-то маленькіе графинчики, они же женщины», вспоминалъ онъ.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли, и онъ задумался, улыбаясь. «Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще тамъ было отличнаго, да не скажешь словами и мыслями, даже наяву не выразишь». И, замѣтивъ полосу свѣта, пробившуюся съ боку одной изъ суконныхъ шторъ, онъ весело скинулъ ноги съ дивана, отыскалъ ими шитыя женой (подарокъ ко дню рожденія въ прошломъ году), обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и по старой, девятилѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него висѣлъ халатъ. И тутъ онъ вспомнилъ вдругъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ; улыбка исчезла съ его лица, онъ сморщилъ лобъ.

«Ахъ, ахъ, ахъ! Аа!..» замычалъ онъ, вспоминая все, что было. И его воображенію представились опять всѣ подробности ссоры съ женой, вся безвыходность его положенія, и мучительнѣе всего собственная вина его.

«Да! она не проститъ и не можетъ простить. И всего ужаснѣе то, что виной всему я,—виной я, а не виноватъ. Въ этомъ-то вся драма,—думалъ онъ.—Ахъ, ахъ, ахъ!» приговаривалъ онъ съ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой ссоры.

Непріятнѣе всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра, веселый и довольный, съ огромною грушей для жены въ рукѣ, не нашелъ жены въ гостиной, къ удивленію, не нашелъ ея и въ кабинетѣ и, наконецъ, увидалъ ее въ спальнѣ съ несчастною, открывшею все, запиской въ рукѣ.

Она, эта вѣчно озабоченная и хлопотливая, и недалекая, какою онъ считалъ ее, Долли, неподвижно сидѣла съ запиской въ рукѣ и съ выраженіемъ ужаса, отчаянія и гнѣва смотрѣла на него.

— Что это? это?—спрашивала она, указывая на записку.

И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучило Степана Аркадьевича не столько самое событіе, сколько то, какъ онъ отвѣтилъ на эти слова жены.

Съ нимъ случилось въ эту минуту то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличены въ чемъ-нибудь слишкомъ постыдномъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свое лицо къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его вины. Въмѣсто того, чтобъ оскорбиться, отрекаться, оправдываться, просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ—все было бы лучше того, что онъ сдѣлалъ—его лицо совершенно невольно («ре-

флексъ головного мозга», подумалъ Степанъ Аркадьевичъ, который любилъ физиологію), совершенно невольно вдругъ улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой.

Эту глупую улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидавъ эту улыбку, Долли вздрогнула какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жестокихъ словъ и выбѣжала изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ она не хотѣла видѣть мужа.

«Всею виной эта глупая улыбка», думалъ Степанъ Аркадьевичъ.

«Но что же дѣлать? что дѣлать?» съ отчаяніемъ говорилъ онъ себѣ и не находилъ отвѣта.

II.

Степанъ Аркадьевичъ былъ человѣкъ правдивый въ отношеніи къ себѣ самому. Онъ не могъ обманывать себя и увѣрять себя, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцатичетырехлѣтній, красивый, влюбчивый человѣкъ, не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и двухъ умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его. Онъ раскаивался только въ томъ, что не умѣлъ лучше скрыть отъ жены. Но онъ чувствовалъ всю тяжесть своего положенія и жалѣлъ жену, дѣтей и себя. Можетъ-быть, онъ сумѣлъ бы лучше скрыть свои грѣхи отъ жены, если бы ожидалъ, что это извѣстіе такъ на нее подѣйствуетъ. Ясно онъ никогда не обдумывалъ этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что онъ невѣренъ ей, и смотритъ на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже не красивая женщина и ничѣмъ не замѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. Оказалось совсѣмъ противное.

«Ахъ, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! — твердилъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и ничего не могъ придумать. — И какъ хорошо все это было до этого, какъ мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива дѣтьми, я не мѣшалъ ей ни въ чемъ, предоставлялъ ей возиться съ дѣтьми, съ хозяйствомъ, какъ она хотѣла. Правда, не хорошо, что она была гувернанткой у насъ въ домѣ. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое въ ухаживаніи за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Онъ живо вспомнилъ черные плутовскіе глаза m-lle Roland и ея улыбку.) Но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. И хуже всего то, что она уже... Надо же это все, какъ нарочно! Ай, ай, ай! Но что же, что же дѣлать?»

Отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ самые сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностями дня, то-есть забыться. Забыться сномъ уже нельзя, по крайней мѣрѣ до ночи; нельзя уже вернуться къ той музыкѣ, которую пѣли графинчики-женщины; стало-быть, надо забыться сномъ жизни.

«Тамъ видно будетъ», сказалъ себѣ Степанъ Аркадьевичъ и, вставъ, надѣлъ сѣрый халатъ на голубой шелковой подкладкѣ, закинулъ кисти узломъ и, вдоволь забравъ воздуха въ свой широкій грудной ящикъ, привычнымъ бодрымъ шагомъ вывернутыхъ ногъ, такъ легко носившихъ его полное тѣло,

подошелъ къ окну, поднялъ штору и громко позвонилъ. На звонокъ тотчасъ же вошелъ старый другъ, камердинеръ Матвѣй, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслѣдъ за Матвѣемъ вошелъ и цырюльникъ съ припасами для бритья.

— Изъ присутствія есть бумаги? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, взявъ телеграмму и сядя къ зеркалу.

— На столѣ, — отвѣчалъ Матвѣй, взглянувъ вопросительно, съ участіемъ, на барина, и, подождавъ немного, прибавилъ съ хитрою улыбкой: — отъ хозяина-извозчика приходили.

Степанъ Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ и только въ зеркало взглянулъ на Матвѣя; во взглядѣ, которымъ они встрѣтились въ зеркалѣ, видно было, какъ они понимаютъ другъ друга. Взглядъ Степана Аркадьевича какъ будто спрашивалъ: это зачѣмъ ты говоришь? развѣ ты не знаешь?

Матвѣй положилъ руки въ карманы своей жакетки, отставилъ ногу и, молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрѣлъ на своего барина.

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя понапрасну, — сказалъ онъ видимо приготовленную фразу.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, что Матвѣй хотѣлъ пошутить и обратить на себя вниманіе. Разорвавъ телеграмму, онъ прочелъ ее, догадкой поправляя перевранныя, какъ всегда, слова, и лицо его просіяло.

— Матвѣй, сестра Анна Аркадьевна будетъ завтра, — сказалъ онъ, остановивъ на минуту глянцевитую, пухлую руку цырюльника, расчищавшаго розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу, — сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ такъ же, какъ и баринъ, значеніе этого пріѣзда, то-есть, что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьевича, можетъ содѣйствовать примиренію мужа съ женой.

— Однѣ или съ супругомъ? — спросилъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьевичъ не могъ говорить, такъ какъ цырюльникъ занялъ былъ верхнею губой, и поднялъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Однѣ. Наверху приготовить?

— Дарьѣ Александровнѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Дарьѣ Александровнѣ? — какъ бы съ сомнѣніемъ повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи. И вотъ возьми телеграмму, передай, что онѣ скажутъ.

«Попробовать хотите», понялъ Матвѣй, но онъ сказалъ только: — Слушаю - съ.

Степанъ Аркадьевичъ уже былъ умытъ и расчесанъ и собирался одѣваться, когда Матвѣй, медленно ступая поскрипывающими сапогами, съ телеграммой въ рукѣ вернулся въ комнату. Цырюльника уже не было.

— Дарья Александровна приказали доложить, что онѣ уѣзжаютъ. Пускай дѣлаютъ, какъ имъ, вамъ то-есть, угодно, — сказалъ онъ, смѣясь только глазами, и, положивъ руки въ карманы и склонивъ голову на бокъ, уставился на барина. Степанъ Аркадьевичъ помолчалъ. Потомъ добрая и нѣсколько жалкая улыбка показалась на его красивомъ лицѣ.

— А? Матвѣй? — сказалъ онъ, покачивая головой.

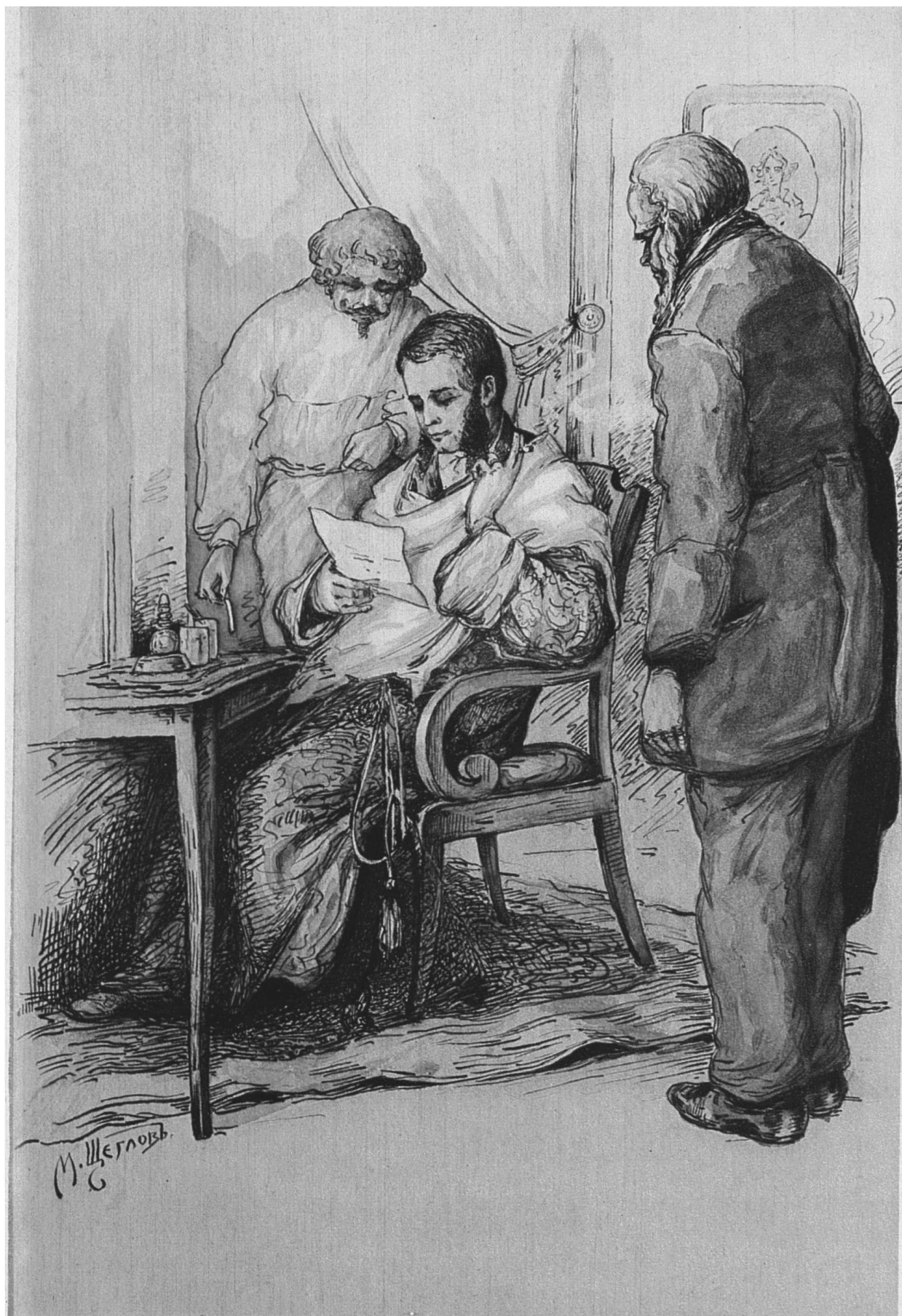
— Ничего, сударь, образуется, — сказалъ Матвѣй.

— Образуется?

— Такъ точно-съ.

Разорвавъ телеграмму, онъ прочелъ ее. (Стр. 4.)

— Ты думаешь? Это кто тамъ? — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, услыхавъ за дверью шумъ женскаго платья.

— Это я-съ,—сказалъ твердый и пріятный женскій голосъ, и изъ-за двери высунулось строгое, рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

— Ну что, Матреша! — спросилъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя къ ней въ дверь.

Несмотря на то, что Степанъ Аркадьевичъ былъ кругомъ виноватъ предъ женой и самъ чувствовалъ это, почти всѣ въ домѣ, даже нянюшка, главный другъ Дарьи Александровны, были на его сторонѣ.

— Ну что?—сказалъ онъ уныло.

— Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось, Богъ дастъ. Очень мучаются, и смотрѣть жалости, да и все въ домѣ вынтараты пошло. Дѣтей, сударь, пожалѣть надо. Повинитесь, сударь. Что дѣлать! Люби кататься...

— Да вѣдь не приметъ...

— А вы свое сдѣлайте. Богъ милостивъ, Богу молитесь, сударь! Богу молитесь.

— Ну, хорошо, ступай, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вдругъ покраснѣвъ. — Ну, такъ давай одѣваться, — обратился онъ къ Матвѣю и рѣшительно скинулъ халатъ.

Матвѣй уже держалъ, сдувая что-то невидимое, хомутомъ приготовленную рубашку и съ очевиднымъ удовольствіемъ облекъ въ нее холеное тѣло барина.

III.

Одѣвшись Степанъ Аркадьевичъ приснулъ на себя духами, выправилъ рукава рубашки, привычнымъ движеніемъ разсовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двойною цѣпочкой и брелокъ и, встряхнувъ платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и физически веселымъ, несмотря на свое несчастіе, вышелъ, слегка подрагивая на каждой ногѣ въ столовую, гдѣ уже ждалъ его кофе и, рядомъ съ кофеемъ, письма и бумаги изъ присутствія.

Онъ прочелъ письма. Одно было очень непріятно, — отъ купца, покупавшаго лѣсъ въ имѣніи жены. Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ рѣчи. Всего же непріятнѣе тутъ было то, что этимъ подмѣшивался денежный интересъ въ предстоящее дѣло его примиренія съ женой. И мысль, что онъ можетъ руководиться этимъ интересомъ, что онъ для продажи этого лѣса будетъ искать примиренія съ женой,—эта мысль оскорбляла его.

Окончивъ письма, Степанъ Аркадьевичъ придвинулъ къ себѣ бумаги изъ присутствія, быстро перелистовалъ два дѣла, большимъ карандашомъ сдѣлалъ нѣсколько отмѣтокъ и, отодвинувъ дѣла, взялся за кофе; за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую утреннюю газету и сталъ читать ее.

Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную газету, не крайнюю, но того направленія, котораго держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ эти предметы, какихъ держалось

большинство и его газета, и измѣняли ихъ только тогда, когда большинство измѣняло ихъ, или, лучше сказать, не измѣняло ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись.

Степанъ Аркадьевичъ не избиралъ ни направленія, ни взглядовъ, а эти направленія и взгляды сами приходили къ нему, точно такъ же, какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ тѣ, которые носятъ. А имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу. Если и была причина, почему онъ предпочиталъ либеральное направленіе консервативному, какого держались тоже многіе изъ его круга, то это произошло не отъ того, чтобы онъ находилъ либеральное направленіе болѣе разумнымъ, но потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни. Либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно не доставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствія Степану Аркадьевичу и принуждала его лгать и притворяться, что было такъ противно его натурѣ. Либеральная партія говорила, или лучше подразумевала, что религія есть только узда для варварской части населенія, и дѣйствительно, Степанъ Аркадьевичъ не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было бы очень весело. Въстѣ съ этимъ Степану Аркадьевичу, любившему веселую шутку, было пріятно иногда озадачить смирнаго человѣка тѣмъ, что если уже гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника — обезьяны. Итакъ, либеральное направленіе сдѣлалось привычкой Степана Аркадьевича, и онъ любилъ свою газету, какъ сигару послѣ обѣда, за легкій туманъ, который она производила въ его головѣ. Онъ прочелъ руководящую статью, въ которой объяснялось, что въ наше время совершенно напрасно поднимается вопль о томъ, будто бы радикализмъ угрожаетъ поглотить всѣ консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять мѣры для подавленія революціонной гидры, что, напротивъ, «по нашему мнѣнію, опасность лежитъ не въ мнимой революціонной гидрѣ, а въ упорствѣ традиціонности, тормозящей прогрессъ», и т. д. Онъ прочелъ и другую статью, финансовую, въ которой упоминалось о Бентамѣ и Миллѣ и подпускались шпильки министерству. Со свойственною ему быстротой соображенія онъ понималъ значеніе всякой шпильки: отъ кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, какъ всегда, доставляло ему нѣкоторое удовольствіе. Но сегодня удовольствіе это отравлялось воспоминаніемъ о совѣтахъ Матрены Филимоновны и о томъ, что въ домѣ такъ неблагополучно; онъ прочелъ и о томъ, что графъ Бейстъ, какъ слышно, проѣхалъ въ Висбаденъ, и о томъ, что нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ, и о продажѣ легкой кареты, и предложеніе молодой особы; но эти свѣдѣнія не доставляли ему, какъ прежде, тихаго, ироническаго удовольствія.

Окончивъ газету, вторую чашку кофе и колачъ съ масломъ, онъ всталъ, стряхнулъ крошки колача съ жилета и, расправивъ широкую грудь, радостно улыбнулся, не отъ того, чтобы у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное, — радостную улыбку вызвало хорошее пищевареніе.